

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

ВЕЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

Я познакомился с Валентином Распутиным в Иркутском университете более полувека назад. Мне было 17 лет, ему 18, мы жили в одном студенческом общежитии, а один год, когда он был на третьем курсе, а я на втором, — даже в одной комнате. В отличие от Александра Вампилова, в отличие от меня, от будущего прозаика Кима Балкова — в отличие от нас, ходивших в литературное объединение к своему педагогу и уже тогда известному литературному критику В. П. Трушкину, Распутин не бывал на наших посиделках, не печатался в родной многотиражке “Иркутский университет”. Первый рассказ “Я забыл спросить у Лёшки” он напечатал в 1961 году в альманахе “Ангара”, через два года после окончания университета. У Вампилова в тот же год вышла книжечка рассказов “Стечение обстоятельств”. Наверно, по стечению обстоятельств и мои первые стихи — восемь опусов, как любил говорить Вампилов, появились в книге молодых поэтов “Здравствуй, жизнь!” тоже в 61-м. То есть мы оказались людьми одного призыва.

В годы, когда Распутин переехал из Иркутска в Красноярск и работал там в молодёжной газете, а я в Бурятии, мы встречались в Новосибирске, где вместе с такими же бойкими журналистами готовили объединённый номер комсомольских газет Сибири. Позже, уже став членами Союза писателей, виделись на писательских съездах. Приезжал Распутин и в Улан-Удэ, где мы тепло общались. В восьмидесятых годах он возглавил Байкальское движение — сообщество литераторов многих стран, поднявших свой голос против загрязнения озёр и рек планеты. Мы были вместе в Армении, на озере Севан, где проходила встреча писателей Европы, Азии, США и Канады, оттуда специальным самолётом перелетели в Ташкент, где тоже бурно обсуждали судьбу среднеазиатских водоёмов, прежде всего, умиравшего Аральского моря, потом отправились в Алма-Ату и на озеро Балхаш, участь которого оказалась не менее плачевной. И, наконец, в девяностых и двухтысячных годах уже в Иркутске, где мне волею судеб было определено несколько лет руководить писательской организацией, общение с Валентином Григорьевичем было постоянным. Без его авторитета и помощи не были бы возможны ни государственное финансирование нашего отделения творческого Союза, ни крупные культурные и литературные акции.

Что я скажу о личности В. Распутина после полувекового общения с ним? Хочу спросить своих читателей: какими вы представляете наших великих писателей? Чехова — мягким, интеллигентным, Толстого — мудрым, Достоевского — великим знатоком души, Тургенева и Гоголя — возвышенными, лирическими авторами? Для меня Распутин стоит в этом ряду — понимающий другого человека, спокойный, очень надёжный, свято придержащийся правды и в творчестве, и в жизни, хорошо чувствующий красоту и поэзию. Как и Алек-

сандр Вампилов, которого я знал неплохо, он самобытен; но как выдающийся русский писатель несомненно схож со своими предшественниками в главном: Распутин сохраняет в какой-то особой чистоте и святости свою душу. Русские писатели могли совершать в быту, в частной жизни ошибки, оплошности, но в области духа, в творчестве они не теряли высоты, да и в частной жизни – благородства и нравственной силы, потому что нечестный, мелкий человек не может стать крупным писателем, тем более такого масштаба, как Распутин.

Мне не раз приходилось присутствовать на многолюдных сборах людей умных, знающих жизнь основательно, понимающих искусство и давно служащих ему. Такое собрание не удивит; имя очередного оратора, часто знаменитого, оно воспринимает спокойно, без видимого проявления чувств. Но стоит объявить Распутину, стоит ему, устраиваясь за кафедрой, только-только произнести первое слово – публика уже натянулась, как струна; все замерло, насторожились, приготовились не слушать, а внимать, ибо произнесено будет что-то особенное, важное, чуть ли не пророческое.

У меня хранится одна любопытная страничка. Весной 1995 года мы, писатели-иркутяне, пригласили из всех районов области литературно одарённых детей. Помню, дня три (а у ребят были каникулы) мы разбирали стихи, сказки, крохотные рассказы юных “писателей”, давали им советы. В последний день определили триумфаторов творческого конкурса и подарили каждому из них стопочку книг с автографами. Во все стопочки я, тогдашний руководитель писательской организации, вложил новый сборник В. Распутина “Россия: дни и времена”, предварительно попросив его написать ребятам свои пожелания. Я предполагал, что он напишет что-нибудь традиционное. Но, заглянув под обложку первой книги, прочитал такие строки, которые остановили бы внимание всякого любопытствующего. Такие слова не пишут, отбывая повинность. Такое говорят человеку близкому – о сокровенном, сто раз передуманном, тяжело выношенном. Это не могло кануть в Лету. Торопясь и волнуясь, я отыскал ручку и переписал пять коротких пожеланий – не безвестным школьникам, нет, а родным наследникам.

Автографы такие:

“Оксане Сапрыкиной, г. Тулун, школа № 4, 11 класс.

Если бы в литературу приходили только нравственные люди и писались только нравственные книги – разве таким был бы сегодня мир? Как бы хотелось, чтобы об этом помнили вы, проходящие...”

“Сергею Семёнову, профессиональное училище № 21, г. Тайшет.

Кто-то из великих сказал, что человек, берущийся за литературное перо, приводит в движение миры. И это так. Но: хорошо быть повелителем, однако нужно быть добрым повелителем. Желаю таковым тебе и стать”.

“Марине Васильковой, Усть-Удинская средняя школа № 1, 7 класс.

Много профессий в жизни, но, быть может, самая трудная и изматывающая человека, но и самая-самая, приносящая утешение, – та, в которой ты пробуешь силы. Успехов тебе!”

“Виктору Котову, лицей г. Черемхово, 10 класс.

Дорогой юный коллега! Эта книга из трудных времён России – хотелось бы, чтобы в будущем с твоим участием была написана другая, о временах более счастливых, книга”.

“Жене Михайловой, Усть-Удинская средняя школа № 2, 11 класс.

Надеюсь на встречу на страницах общей книги. И как знать! – может быть, скоро. Удачи тебе!”

Это – о личности. Теперь о творчестве.

Мне кажется, при оценке В. Распутина, как и А. Вампилова, говорится много несуразностей. Вот известный режиссёр и актёр рассуждает о Вампилове: “Этот драматург обогнал время, не знаю, на сколько, на 25, на 50 лет, но обогнал”. Другие пишут: “Вампилова не поняли и потому не приняли”. И то, и другое – глупость. Вампилов и Распутин не обгоняли время. Они восстановили в тогдашней текущей литературе классические традиции, они через временную пропасть взяли из рук классиков волшебное перо и начали писать, как писали русские классики. Они продолжили традиции Пушкина, Толстого, Достоевского, Горького и Шолохова – писать о глубинной народной жизни, о её трагедиях, изломах и её немеркнущей красоте, рисовать характеры не кукольные, а живые, противоречивые, с обвалами в грязь и мрак, но

зато и с постоянным, может быть, судорожным, смертным желанием вырваться наверх, к свету и вере.

Вот Распутин. Первые свои сочинения – 1961–1964 годов – он теперь не печатает, это написанные по тогдашним канонам рассказы и очерки.

Подлинно распутинская проза началась с рассказов “Встреча” (1965 г.), “Рудольфо” (1965 г.), “Василий и Василиса” (1966 г.) и с повести “Деньги для Марии” (1967 г.). Вспомните рассказ “Василий и Василиса”, в основу которого, по признанию писателя, он положил историю бабушки и дедушки. Два человека всю жизнь любили друг друга, во всяком случае и детей нарожали, и всегда оставались друг подле друга. Но неуправляемые характеры трагически разводили их, и только под конец жизни, после изломов, душевных ран, после странного для родных и соседей обитания в одном дворе, обитания враждебного и в то же время неразрывного, они простили друг друга и опять обрели родство, определённое им Богом. Рассказ молодого Распутина жил по своим художественным законам – их на века определила классика. Почти в те же дни пишет своё самое трагическое, самое бесстрашное произведение – пьесу “Утиная охота” и Вампилов. Его, говорят, не поняли и потому не приняли. Ерунда. Умных людей, критиков и режиссёров, было много и тогда, они могли сравнить Зилова из “Утиной охоты” с известными героями русской классики. Например, с Федей Протасовым из “Живого трупа” Льва Толстого, да и с “лишними людьми” из романов других великих писателей, но идеологический надзор не позволил поставить пьесу в театре.

Обогнал ли В. Распутин время? Эта категория “обогнал” вообще не подходит к литературе. Обогнал ли время М. Шолохов, написав в очень молодом возрасте “Тихий Дон”? Нет, он продолжил классику, того же Льва Толстого или жившего ещё тогда Максима Горького с их романами, повестями и рассказами, открывшими такие глубины национальной русской жизни, которые для других писателей были недоступны.

Думаю, что и те, кто постоянно, уже традиционно рассматривает В. Распутина в ряду писателей-“деревенщиков” (Ф. Абрамова, В. Белова, М. Алексеева, В. Шукшина, даже А. Солженицына с его “Матрёниним двором”), затемняют, даже искажают картину русской литературы второй половины двадцатого века.

Конечно, каждый крупный писатель не вырастет на голом месте, без почвы, которая подготовлена не только дальними предшественниками, но и мастерами слова – современниками. И в тематике, и, отчасти, в художественном своём методе Валентин Распутин использовал опыт “деревенщиков”. Но никто из них так обострённо, художественно убедительно, выстраданно не показал, что нравственная, духовная жизнь народа оскудевает, подрубаются вековые корни, которые питали национальную Россию. Трагическое движение народной жизни к распаду – от пятидесятих годов прошлого века до нынешних дней – никто не передал так полно и художественно мощно, как прозаик из Сибири. Для каждого отрезка нашей национальной истории, когда родная почва всё явственней и явственней уходила у нас из-под ног, писатель нашёл ёмкое определение. Ведь повести и рассказы Распутина можно назвать художественными метафорами русского двадцатого века. И “Последний срок”, и “Прощание с Матерой”, и “Пожар”, “Дочь Ивана, мать Ивана” – всё это метафоры-предупреждения, которые не мог не услышать современник автора, они отложились, как грозные письмена на особых скрижалях памяти. Эти письмена ещё пригодятся при выборе исторических путей.

* * *

Многие из пишущих боятся или не умеют сказать правду о губительном положении народа. В. Распутин выбирает таких героев, которые видят бездну трезвыми глазами. Кажется, что само место этих людей в гуще страдающего народа и сами характеры героев, их закал и прочность, позволяют им иметь своё суждение и смело высказывать его другим. Да и у самого писателя такой закал и такая прочность в творческом характере, что он без страха скажет в лицо мучителям России справедливый и смелый приговор.

Юный Иван из последней повести прозаика, по-своему переживший трагедию сестры и матери, приходит к своему страшному открытию:

“Только сейчас, оставшись наедине, он, казалось, наконец вытиснулся из себя и вышел в мир. И то, что увидел он в нём, поразило его. Огромные и страшные перемещения, от которых взрослые почему-то отворачивают глаза, происходят в мире, одни наступают, другие отступают, и среди вразброд отступающих, растерянных и обессиленных, как приговорённое жертвенное стадо, теснимое к обрыву и не понимающее, что с ним происходит, был и его народ. На самой-самой кромке обрыва вынесут ему окончательный приговор: одних, просветлённых новыми знаниями и новыми правилами поведения, помилуют, других, обсудив, как гуманнее поступить с ними, отправят восвояси, в те глухие и немые свояси, где уже ничего нет. От помилованных потребуют: отрекитесь! И отрекутся. А вослед избранным скажут: вы видели, как много среди них было больных и дурных, преступников и староверов; мы сделали это, чтобы спасти от них мир. И мир согласится: тому и быть, каждый получает то, чего он заслуживает”.

“Избранные” уже приняли этот порядок; чиновничество увидело в новом своём положении выгоду: нет такой инстанции, перед которой они отвечали бы, зато есть бесчисленные кормушки и сказочные бездонные карманы, из которых можно брать для себя без боязни и мёд, и сало, и наряд, и путёвку на заграничный курорт, и машину, и роскошный особняк.

Эта повесть — и тщательное дознание, и справедливый суд, и выверенный приговор. Каждый из героев-свидетелей положил перед незримым судьёй свою беду. Мается среди ночи вечный труженик Иван Савельевич; не находит места ни днём, ни ночью Анатолий; бежит от себя, осквернённой, и никак не может убежать Светка; ищет приложения своим силам и долго не находит поприща Иван; со смертной болью переживает неожиданный удар судьбы Тамара Ивановна. Это в одной семье столько страдающих душ, а сколько их за пределами стен, где мечутся эти пятеро, — сколько искалеченных, не до смерти убитых, опозоренных, раненных несправедливостью, горящих от гнева душ, сколько их по всей России! И нет для них поводырей, нет Мининых и Пожарских, которые бы повели их. Есть ли враг? Конечно, есть. Это он, хитрый, лицемерный, жестокий, кричит на всех перекрёстках, что врагов нет, что виноват сам народ, безвольный и ленивый. Врёшь, мерзавец, народ наш русский смел, работающ, трезв, это ты, враг внутренний, договорившись с врагами забугорными, пленил его, спленал и теперь опаиваешь отравой, лишаешь воли к сопротивлению...

Философия социального устройства государства сложна и в то же время предельно проста. Если завтра вымрут все богатые, то с нищих не упадёт ни один волос. Но если завтра сгинут все нищие, то мгновенно перемерут и все богатые: из кого же они будут сосать кровь?

Каждый читает своей душой, у каждого из миллионов русских людей свой счёт грабителям и разрушителям, насильникам и растлителям. Свой счёт власти, под чьим крылом развернулась страшная российская вакханалия. Каждый день даёт повод для жестоких размышлений, которыми мучаются и герои повести. Просто, как редко сейчас случается в литературе, страницы книги и безмерная по жестокости жизнь, творящаяся вокруг, совпали. Человеческая душа у края.

Но те, кто не слышит голоса народа, не услышит и голоса его глашатая.

* * *

“Дочь Ивана, мать Ивана” — повесть классическая. Действие в ней развёртывается на фоне полнокровно текущей жизни. В кабинете ли следователя, в коридоре ли присутственного места, на рынке ли, на дождливой ли улице — всюду автор выписывает этот фон событий с его узнаваемыми, подлинными чертами. И чем драматичней, невыносимей положение, в котором находится сейчас, сию минуту, герой, тем пронзительней становится повествование, тем безжалостней рвёт писатель свою душу, выворачивает себя на испод, мучаясь вместе с людьми и сострадая им. К примеру, всю ту часть повести, где отец и мать ищут дочь, находят её, сидят в прокуратуре, приезжают втроём домой — всю эту тяжёлую, чёрную часть повествования Распутин ведёт с огромным напряжением. Иной писатель ведёт рассказ нейтрально, отстранённо. Здесь же всё дышит живым участием к героям, тем сопереживанием, на которое способен лишь близкий, родной человек.

А разве не таковы произведения Л. Толстого “После бала”, “Крейцерова соната”, “Воскресение”? Там тоже всё время рядом с читателем родной собеседник, нравственный судья.

Особая способность вдумчивого писателя — смотреть на жизнь глазами своего героя. Герой этот не похож на автора ни душой, ни телом — и профессия не та, и нажитый опыт иной, и характеры совсем разнятся, а поди ж ты, автор, как близкий друг, как брат, смотрит на жизнь чужими глазами и понимает её, как понимает — тот.

Я опять слышал упрёки автору: зачем в художественную ткань вкраплена публицистика? Зачем, описывая молодость Тамары Ивановны, детство Светки и Ивана, а особо — отчаянный поступок их матери, автор всякий раз даёт свои оценки, пускается в собственные размышления? А как иначе? Не просятся ли сами на уста единственные слова, которые любой не потерявший разум человек только и может после такой истории сказать: “. . . как ещё можно противостоять бешеному разгулу насилия и жестокости, если государство своих обязанностей не исполняет, а правосудие принимается торговать законами, как редькой с огорода? Как? Тамару Ивановну жалели и втайне её оправдывали; о дочери же её, как только заходил о ней разговор, неопределённо вздыхали, не желая договаривать: слишком большую приходится платить за её честь цену — будто эту цену запрашивает она сама или будто слабость вивата в том, что она слабость”.

У Распутина особенные герои: каждый из них словно изваян из одного материала. И старуха Анна, и старухи из повести “Прощание с Матёрой”, и Иван Петрович, и Сеня, и Настёна, и Пашута — все они светоносны, и все явились на страницы повестей и рассказов словно бы в законченном, до конца развившемся облике. Каждый из них замешен из своего однородного материала. Душа каждого из них — как глубокий шурф, и сколько ни копай, всё будет твёрдая порода. Не как у Достоевского, например. Там за кремневой породой может идти рассыпчатый песок, потом болотная жижа, а ниже скальный гранит. Даже у современника и друга Распутина, Александра Вампилова, герои драм и комедий — характеры “многослойные”. Его Зилов может броситься на помощь человеку, пожертвовать чем-то для ближнего, а может быть бездушным, жестоким, эгоистичным. Он всякий — не злодей и уж далеко не ангел, не конченный в своей безнравственности и уж, конечно, не пример другим. У героев Распутина нет такой нравственной амплитуды, и мы с радостью принимаем их такими — цельными, прошедшими какой-то особый закал в жизни. И кстати, повести его, прежде всего, “Прощание с Матёрой”, “Живи и помни”, “Дочь Ивана, мать Ивана” тоже видятся мне похожими на строгих, неподкупно правдивых людей. Они принесли страшные свидетельства, на каждом из этих свидетельств — своя мета времени. Я сравниваю в уме: “Записки охотника” или “Степь” стоят у Тургенева и Чехова как-то особняком, их трудно объединить с другими сочинениями этих писателей. Оба произведения — очищенное, промытое зеркало, в котором видны русский человек, русская душа. И у Распутина, конечно, можно взять одну из названных (да и неназванных) повестей, в ней тоже увидишь неискажённую русскую душу. Но лучше взять три сразу, в них она, душа, увидится в разные времена, на разных ветрах и, конечно, яснее, вся до донышка. Только такие произведения соответствуют художественной задаче, о которой когда-то говорил философ Иван Ильин: “Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру — из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом смысл русской идеи”. И ещё. Только над такими произведениями повторяешь мысли Ивана Шмелёва о том, что значит для русского писателя — найти родину и выразить её в правдивых образах: “Прежде всего: душу её почувствовать. . . Надо её познать, живую! Не землю только, не символ, не флаг, не строй. Чуют её пророки — её поэты: по ней томятся, за неё отдают себя. Отдают себя за её лик, за душу; ими вяжет она с собою. . . Поэты называют её Женой, Невестой; народ — Матерью, и все — Родиной. Что же родное в ней? Всё, что заставляет трепетать сердце, что перехлестнулось в душу, как через один взгляд неожиданный вдруг перельётся из родных глаз бездонное, не называемое. . . без чего — нельзя жить”.

* * *

Мне приходилось кратко писать о языке В. Распутина*. Но всегда повторное чтение приносит новые открытия. В его рассказах и повестях на каждой странице находишь светящиеся слова. Кажется, что до поры до времени они лежали где-то в запасе — памятные, но подёрнутые налётом покинутости, родные, но отчуждённые временем, красочные, но не протёртые мягкой губкой художника. И вот они опять явились в своём торжестве — выплывшие в памяти, обретшие былую красоту: “Заходили в ограду люди — изба стояла как на пупке (здесь и далее выделено мной. — А. Р.), и видно было от неё на все четыре стороны света. Особенно хорошо был виден разлив воды в понизовьях — могучий, широко раздвинувший берега и какой-то захлёбисто-мерклый, без игры и радости. Тут, в Агафьиной ограде, было над чем подумать, отсюда могло показаться, что изнашивается весь мир, — таким он смотрелся усталым, такой вытершейся была даже радость его. Здесь можно было вволюшку повздыхать, и столько здесь скопилось невыразимых вздыханий, что тучки на небе задерживались над этим местом и полнились ими, унося с собою жатву людских сердец”.

Повторите эти строки, выделяя светящиеся, главные слова — и вы поймёте, с каким тщанием и любовью подбирал художник свои речения. Конечно, такая работа не каждому даётся: надо знать всё богатство родного языка, иметь чутьё, дарованное писателю, может быть, многими прежними поколениями, и видеть красоту каждого слова.

Кажется, что это о прозе сибиряка сказал когда-то Николай Гоголь: “Здесь-то увидят наши писатели, с какой разумной осмотрительностью нужно употреблять слова и выражения, как всякому простому слову можно возвратить его возвышенное достоинство умением поместить его в надлежащем месте и как много значит для такого сочинения... это наружное благополучие, эта внешняя обработка всего; тут маленькая соринка заметна и всем бросается в глаза...”

* * *

Не всё, что хотелось сказать, легло на бумагу. Но ведь созданное художником — это вечные письмена, и ты можешь возвращаться к ним снова и снова. Лишь бы на них откликнулась душа.

---

* См. кн. “Лицом к свету”, Иркутск, 2003, с. 310–311.